

АНАЛИЗ

ОТ РУЧНОЙ ЭКОНОМИКИ ДО ДОКТРИНЫ РАЗНОГЛАСИЙ

Уже в прошлом году казахстанская экономика доказала, что является составной частью мировой. Наша власть спасала ее примерно такими средствами, что и все остальные. Итог, тем не менее, не радует. Финансовые активы страны обесценились. Наибольшие потери из-за невозвратных кредитов понесла банковская система. Страна все больше входит в инвестиционную зависимость от Китая, при этом по-прежнему оставаясь сырьевым придатком мировых держав.

Окончательно развеялись надежды на то, что Казахстан – это некий «островок стабильности» в бушующем море мирового экономического кризиса. Какой уж тут островок, если спад производства еле остановили, а безработица, несмотря на все официальные рапорты, – налицо.

Ручная экономика довела до ручки

Это теперь, спустя три года с начала кризиса, наши власти отважились заявить, что Казахстан раньше всех накрыла его волна, поэтому и выходить ему из него было легче. Руководство страны, потерявшись в хаосе мирового кризиса, ища виновных в рукотворных бедах своего государства, вместо того, чтобы найти собственный рецепт выхода из кризиса, пыталось спасти финансы всего мира. Идея поиска альтернативы доллару идеей так и осталась, так как альтернативы «зеленому» пока что нет. Для создания резервной, мировой или какой-либо другой наднациональной валюты предполагает наличие демократии, достойного долгосрочного доверия, свободной конвертации и возможности эмиссии большого объема валюты. Все эти возможности на сегодня есть только у США. Так что очередной интеллектуальный изыск мы расценили как попытку автора самоустраниться от текущих проблем, создать видимость того, что он человек мыслящий и решающий проблемы глобального масштаба, а кризис внутри страны и пути его преодоления – это задача членов правительства, и отвечать за их реализацию тоже их прерогатива.

Найти деньги и успокоить людей – идеальная антикризисная технология. В минувшем году ее поставили на поток. Год начинался с разработки сценария катастрофы, подготовленного правительственными чиновниками, экономистами из бизнеса и аналитическими центрами. Он базировался на том, что цена на нефть будет снижаться и дальше, а критический ее порог может достигнуть 25 долларов за баррель. Для экономики это означало полную неопределенность, а правительству грозило потерей контроля над страной. Впервые за несколько лет при обсуждении бюджета все чаще стало употребляться слово «дефицит».

У чиновников была паника, так как красная линия как показатель того, что деньги заканчиваются, замаячила уже не на горизонте, а прямо перед глазами. Казахское правительство действовало, как все другие кабинеты мира – спасало финансовую систему, без которой в реальной экономике не на что было надеяться.

Девятнадцать миллиардов долларов было брошено в топку борьбы с кризисом. Адресатами миллиардов стали владельцы миллиардов. Только в банковскую

систему было закачено более 4 млрд. долларов. Операция по «спасению» банков привела к тому, что все они оказались в той или иной мере подконтрольны государству. Однако рост объема просроченных кредитов продолжился. Вроде бы один из самых эффективных способов – реструктурирование. Однако это проблемы на корню не решает, так как выплата долга переносится на будущее, туда же переносятся и проблемы.

Еще одним шагом по спасению финансовой системы страны стала февральская девальвация тенге. 4 февраля (или в «черную среду», как моментально окрестили эту дату) цена американского доллара увеличилась от 120 тенге сразу до 150. Вместе с американской подорожала и вся остальная свободно конвертируемая в Казахстане валюта. Буквально за ночь казахстанский тенге обесценился сразу на четверть. Это стало не просто главным экономическим событием прошедшего года, но и жестоким финансовым потрясением целого десятилетия.

Объективно казахстанские предприятия, производящие продукцию, должны были после девальвации получить конкурентное преимущество по сравнению с импортом на стоимость удешевления тенге. То есть наша продукция, начиная с 4 февраля 2009 года, должна была стать более конкурентоспособной. Однако такого роста конкурентного преимущества по сравнению с импортом так и не произошло. Мало того, девальвация одномоментно «съела» 25-процентные надбавки пенсионеров, госслужащих, учителей, врачей и других социально-уязвимых категорий населения. Мы согласны с тем, что экономика страны должна быть экономной, но не за счет казахстанцев.

Казалось, что спасение пришло с удорожанием нефти. Однако уже многим предприятиям грозило банкротство, спрос упал до катастрофических пределов. Помощи требовал реальный сектор экономики, а с этим у казахстанского правительства всегда было отсутствие консенсуса.

Управление экономикой перешло в «ручной режим». Это была очередная «эквilibристика слов» а-ля Масимов, все из той же серии типа «кровью распишитесь» или «турбулентность экономики». На таком «ручнике» дошли до того, что уже цены на бензин самых ходовых марок АИ-92 и АИ-93 уравнивали, установив для них фиксированную ставку реализации. Такая же судьба, очевидно, ждет дизельное топливо и бензин марки АИ-80. Эта мера лишней раз продемонстрировала то, что наши чиновники в правительстве мыслят категориями краткосрочного эффекта. В целом же мы все дальше откатываемся от принципов рыночной экономики и постепенно возвращаемся к жесткому централизованному планированию. Получается, что за 18 лет при наличии собственной нефти мы так и не смогли насытить местный рынок. И чтобы хоть как-то выровнять ситуацию, кабмин начинает создавать тепличные условия. Не это ли показатель отсутствия способности работать в конкурентной среде?

В начале 2009 года в регионах на промышленных гигантах начались сокращения, увольнения. Волна социальной напряженности нарастала. «Десанты» чиновников во главе с членами правительства и акимами регионов бросились к проблемным предприятиям, пытаясь с помощью заключения тысяч меморандумов между органами власти и руководством предприятий погасить корпоративные и производственные конфликты.

Масимов, проводя по селектору правительственные совещания, старательно избегал называть сложившуюся ситуацию кризисом. Только во второй половине года руководство страны свой тезис о том, что Казахстан – часть глобальной экономики, стало дополнять словами, что кризис Казахстан миновать не мог.

Как бы власть ни пыталась прикрыть собственную несостоятельность бездумной политикой внешних заимствований банков, вина которых, кстати, не

меньше кабминовской, в любом случае нужно смело признаться в том, что помощь пришла извне. От социального коллапса страну спасло то же, что и от экономического: постепенное оживление мировых рынков. То, что было одной из главных причин кризиса (сырьевая зависимость), теперь опять стало помогать. Нефть, уголь, газ и металлы стали укреплять свои позиции. Чиновники спокойно вздохнули и вернулись в прежний алгоритм праздного существования. Но надолго ли?

Иностранцы усиленно вкачивают в экономику Казахстана деньги. Только за год один Китай вложил более 13 млрд. долларов. При этом инвестиции не идут на развитие инфраструктуры, не вкладываются в экономику высоких технологий. Все они ориентированы на сырье.

Получается, что мы опять наступаем на одни и те же грабли. Конечно, рост сырьевых доходов может разогнать стоимость активов и стимулирует приток капитала. Это даст рост доходов населения, который разогреет потребительский спрос. Начнут расти фондовый рынок, спрос, выпуск и внутренние цены буквально на все. Но! Это опять подавит возможности экспорта несырьевых товаров и еще более удалит экономику от диверсификации. Зато будет создана иллюзия сногшибательного успеха и почва для любви к начальству. Инвесторы будут терпеть этот «климат», пока есть сверхприбыль.

В результате на тонких «кредитных ходулях» без очередного инвестиционного допинга из-за рубежа Казахстану сложно будет добежать до топ-полсотни. Международные рейтинги эту тенденцию уже констатируют. Так, в 2009 году наиболее важный для казахстанских властей показатель развития государства – индекс конкурентоспособности, определяемый Всемирным экономическим форумом (ВЭФ) – снизился еще на одну позицию, до 67-го места. За пять лет в рейтинге ВЭФ падение составило 16 строк.

Пока народ с трудом разобрался и попытался выкарабкаться из кризисного болота, правительство успело быстро «пропихнуть» создание Таможенного союза. Как он будет работать, чиновникам до сих пор не ясно. Подписан единый таможенный тариф, базу которого составили 92% таможенных тарифов России. Больше всех пострадал Казахстан, которому пришлось согласиться повысить пошлины по 5000 позициям. Например, согласно достигнутым договоренностям между Россией, Казахстаном и Беларусью, с 1 января 2010 года на территории создаваемого таможенного пространства введут единые пошлины на ввозимые автомобили. Пошлины составят 30% от стоимости новых автомобилей и 35% – подержанных. Для Казахстана это будет чувствительно. В настоящее время ставка пошлины на ввозимые в Казахстан новые авто составляет 10%.

Если учесть уровень недобывающего сектора и наплыв импорта из соседних Китая и России, то экономическая зависимость страны, помноженная на политику, формируемую под действием транснациональных компаний, будет только увеличиваться.

Казахстан выходит из кризиса еще более зависимым от экспорта углеводорода и металла. Медленно, но верно страна стала продвигаться по пути масштабной национализации и государственного вмешательства в экономику страны. Такими темпами вскоре придется забыть о рыночной экономике. Страшно то, что это устраивает действующую власть.

Надо менять не мебель, а девочек...

Несмотря на все разговоры об индустриально-инновационной программе, ее форсированном развитии, модернизации – реального желания что-либо изменить не наблюдается.

Силой сдерживаемую безработицу государство как проблему переносит на будущее. Если априори представить, что индустриально-инновационная программа заработает, то это автоматически предусматривает то, что новые технологии приведут к сокращению рабочих мест, замене мыслящих вчерашними категориями кадров новыми.

Проблема в том, что индустриально-инновационную программу предлагают те, для кого любая инновация и модернизация несет угрозу. Для этого нужен средний класс, а его представителей у нас ничтожно мало. И потом, после неоднократного «кидалова» со стороны государства большинство из них если не разочарованы, то насторожены, несмотря на то, что разговоры об инновациях и модернизации для них – посыл интересный. Объективно опорой любого нового должна стать молодежь, вполне оптимистичная, но мало информированная о государственной политике и мало ею интересующаяся. Но между ней и государством – ментальная и психологическая пропасть.

Однако «назарбаевское большинство» уже не может быть авангардом и социальной опорой нового, так как формировалось по другому поводу и под другими знаменами. Для них новое – это статус-кво. Их опора – это парламент, где доминирует одна партия – «Нур Отан», во главе которой главный организатор, стабилизатор так называемого «старообрядного большинства» – президент страны.

Вектору «инновационного меньшинства» очень сложно пересечься с вектором «старообрядного большинства». Это относится не только к области экономики, но и политики. Объявляя еще несколько лет назад о начале политической реформы, либерализации политсистемы, Казахстан к обозначенным мировым стандартам в области прав и свобод, а также демократии приблизился мало.

Чтобы «индустриально-инновационное поколение» поверило и включилось в обновление страны, власти нужно приступить к политическим реформам. Если этого не произойдет, то молодые инноваторы могут навсегда отвернуться, и тогда все задуманное обернется «очередной профанацией».

Могла ли политреформа в цивилизованном мире предполагать абсолютное доминирование одной партии? В мире нет, а в Казахстане да. Извините, но даже в соседнем Узбекистане, стране, которую без стеснения относят к числу авторитарных и даже деспотичных стран, на прошедших недавно выборах в парламент прошли 4 партии! А у нас советник президента по внутривнутриполитическим вопросам с хамовитой уверенностью утверждает, что партия власти продолжает сохранять свои позиции и в ближайшей перспективе каким-либо образом разрушить сложившееся положение вещей навряд ли удастся какой-либо партии. Устами Ертысбаева «глаголит» власть. И если он так говорит, то, скорее всего, так оно и будет. То есть мы не будем свидетелями того, что «Нур Отан» начнет готовиться работать в гораздо более плюралистичной и гибкой партийной системе, чем нынешняя. Системе, где, возможно, будет формироваться коалиционное правительство. Что будет разрабатываться и укрепляться консультационный механизм, практика взаимных уступок и договоров. Где оппоненту будет уделяться достойное внимание. Понимания со стороны правящей партии в этом не видно. Значит, не стоит ожидать уважения к демократическим институтам, к честности выборов, к защите прав оппозиции и прочему.

В последнее время от президента явно ожидали каких-то резких движений, громких отставок. Во многом Назарбаев сам породил эти ожидания. Во-первых, события прошедшего года дали почву для рассуждений о том, что Нурсултан Назарбаев окончательно уступил политическую поляну «окружению». В результате стала нарастать неуверенность элиты. У управленческой элиты

множественно возросли риски поступить неверно, ошибиться в тактических вопросах. В свою очередь это понизило управляемость системы.

Во-вторых, президент должен не только периодически критиковать деятельность того или иного ведомства, или акима области, но и предпринимать какие-либо реальные меры. А рычагом для этого является чиновничья вертикаль. Те замены, которые были проведены, не носили кардинального характера. Это были технические перестановки непубличных фигур. Это не было вызовом или новой кадровой заявкой.

Как говорится, если в публичном доме падают сборы, надо менять не мебель, а девочек. И Назарбаев наверняка, понимает, что крупные кадровые решения должны стать сигналом того, что он по-прежнему держит элиту под контролем. Хотя бы для сохранения собственного политического влияния он должен как можно быстрее приблизить время «расстрела перед строем». Такая децимация просто необходима с точки зрения самоутверждения.

С другой стороны, кадровые решения должны стать отражением его собственных представлений о темпах и направленности индустриально-инновационного развития страны. То есть кадровые решения главы государства должны стать индикатором его нового курса.

Однако, увы, этого не произошло. Провозгласив новый курс, он доверил реализовывать его команде, которая уже не единожды проваливала одну программу за другой.

Так сложилось, что естественным ограничителем действий Нурсултана Назарбаева является тот состав элиты, который глава государства на протяжении восемнадцати лет «выпестовывал» собственными руками. Там нет революционеров-реформаторов и даже просто сторонников индустриально-инновационного курса. В основном, там те, кому скажут что-либо сделать, они и сделают, но без особой ретивости.

Сегодня речь идет о технократической составляющей нового курса. То есть с теми же старыми кадрами, при той же политической системе, соблюдении правил политики сдержек и противовесов власть пытается модернизировать экономику, социальную сферу, финансы и т.д. Однако элита видит, что предлагаемое «новшество» всего лишь суррогат, поэтому не воспринимает это всерьез. А так как существованию самой элиты ничего не угрожает (нет альтернативных партий, полноценных демократических институтов выборности и сменяемости власти), сама элита не модернизируется. Однако время и существующее положение вещей буквально «семафорит» о том, что пора меняться.

Страна живет по понятиям...

На протяжении всего 2009 года мы были свидетелями жесткого противостояния силовых ведомств. Об этом, а также о проблемах, которые приходится иметь с ними простым гражданам, нами говорилось немало. О том, как идут дела у самих силовиков, можно судить по маркам машин, припаркованным у зданий, принадлежащих их структурам.

Когда многие работники правоохранительных органов живут по понятиям, а не по закону, чего ожидать от простых граждан страны? Когда Казахстан, вроде бы не бедная страна, в рейтингах коррумпированности оказывается среди самых безнадежных представителей третьего мира, это значит, что государство криминализировано на институциональном уровне. Так, в индексе преуспевания Legatum наш низкий рейтинг объясняется коррумпированностью властных структур. Всемирный банк в исследовании качества госуправления также отмечает ослабление контроля над коррупцией. Согласно данным рейтинга восприятия коррупции Transparency International, Казахстан занимает 120 позицию из 180 стран.

Не далеко то время, когда Казахстан начнут называть мировым лидером по экономическим преступлениям. Налицо тенденция, когда тюрьмы забиваются коммерсантами и топ-менеджерами, не вписавшимися в планы «восстановления» промышленности, а казахстанские банкиры и крупные предприниматели в массовом порядке бегут за границу. 2009 год – Мухтар Аблязов, Маргулан Сейсембаев, Мухтар Джакишев, Серик Туржанов и т.д. Кто следующий?

По-прежнему буксует судебная реформа. Эксперты компании Legatum занесли Казахстан в десятку худших по уровню демократичности институтов и выборов, гарантий прав граждан и уровню независимости судебной системы. Специалисты из организации Vision of Humanity в отчете о глобальном индексе миролюбивости утверждают, что из-за кризиса произошло снижение социально-политической стабильности, и падение данного показателя в Казахстане составило сразу 12 позиций.

Впрочем, разве может быть иначе, когда, например, в Северо-Казахстанской области за вымогательство 14 тысяч долларов США суд приговорил акима района к лишению свободы условно, а рядового чиновника за 40 тысяч тенге – к реальному сроку с конфискацией имущества?

Как после этого не говорить о том, что адекватность вынесения наказания сегодня в казахстанской правоприменительной практике зависит не столько от степени вины человека, сколько от того, на каком авто ты передвигаешься, каков размер кошелька и бизнес-статус твоих близких! Если это и есть правовое государство, то на кой черт нам председательство в ОБСЕ?

You Tube как зеркало жизни

СМИ, по идее, должны были стать рупором жизни общества. В эпоху высоких технологий и глобализации на роль «рупора» однозначно утвердилось и телевидение. Но сегодня из You Tube можно получить больше объективной информации о Казахстане, нежели из нашего ТВ. Зато телевидение стало зеркалом отражения переживаний, страхов и сомнений руководства страны. Видимо, поэтому ему так сложно вести прямой и открытый диалог со своим народом. А чем еще может быть телевидение в стране, где эффективность работы президента измеряется количеством часов, которые раз в году он посвящает народу, отвечая на заранее заготовленные вопросы и ответы, или количеством эсэмэсок, отправленных на имя главы государства? Наше телевидение сегодня – это ТВ, обслуживающее исключительно первых лиц государства. Другой формат работы СМИ власть не устраивает.

Еще 10 лет назад власть и предположить не могла, что СЕТЬ станет рупором выражения недовольства властью и государственным аппаратом. Начавшийся процесс закручивания гаек в 2009 году достиг своего апогея. Политически не обузданные телеканалы поменяли собственников, с эфира были сняты все неблагонадежные передачи. В результате ряда слияний, поглощений, закрытий значительная часть республиканских изданий оказалась либо в руках государства, либо под его опосредованным контролем, типа медиа-холдинга «Нур Медиа».

Далее пошла цензура. Интернет решили зарегулировать. Видимо, методы технического давления – блокирование сайтов, удаление информации, давление на компанию провайдера – были наименее эффективными. Поэтому решили принять закон об Интернете. Слукавим, если не признаем, что за последние два года Интернет из места политических дискуссий все больше превращается в островок свободы и последний ресурс для тех, кому есть что сказать. Именно он стал местом сплочения сетевой оппозиции. Минимализация цензуры в Сети, видеохостингах, оппозиционных блогах и форумах у чиновников вызвала панику и страх. Только власть никак не может понять, что Интернет – не средство координации протеста, а место для самовыражения.

Несмотря на протесты со стороны общественности, введение прямой сетевой цензуры было узаконено. С введением этого закона Казахстану все сложнее будет поддерживать имидж цивилизованной страны. Согласно докладу международной организации «Репортеры без границ», положение прессы в Казахстане оценивается как сложное. В результате блокировки популярных интернет-ресурсов, судебных преследований независимых изданий и журналистов Казахстан занял 125-е место из 173 стран. IREX в своем отчете на эту тему указывает на низкие показатели объективности подачи информации в массмедиа и факты цензуры.

Доктрина разногласий

Проект Доктрины нацио-нального единства вместо того, чтобы объединить граждан одной страны, превратился в генератор разногласий. Всплеск национал-патриотизма в Казахстане, который был обусловлен не только событиями-катализаторами типа проекта Доктрины или возможности передачи, как выясняется, в аренду, части казахских земель китайцам, а скорее всего, естественным ходом исторического процесса суверенного Казахстана. На протяжении последних двух лет власть твердила о необходимости воспитания патриотизма и любви к своей родине, особенно среди молодежи. По этому поводу даже программу приняли. Только вот когда патриотизм граждан нашел свое проявление как реакция на далеко не дальновидные инициативы власти, последняя пошла на попятную. На вооружение были взяты до боли знакомые устрашающие средства.

Протесты гражданского общества властью традиционно были истолкованы неоднозначно. По этому поводу глава государства даже заявил следующее: «Я знаю: те, кто сегодня будирует несуществующую проблему, не инициаторы. Мне также известно, кто их подзуживает, кто им платит». Беда в том, что власть просто не может поверить, что люди бесплатно могут беспокоиться о Родине. Они думают, что за переживания о родной земле им «кто-то платит».

В течение всего 2009 года казахстанцы разочаровывались не единожды. Начало года ознаменовалось разочарованием в национальной валюте, а закончилось огромными проблемными брешами во внутренней политике Ак Орды. Верховная власть ослабевает. А что готовит власть нам в году наступившем?

Артур САДВАКАСОВ